

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

У НАС НА БАЙКАЛЕ

1. ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Какая-то постоянная бездонная грусть светится во взгляде, будто постиг он или приблизился к постижению неведомого ещё людям страдания и готов пострадать за них и покаяться, облегчить жизнь, принявши боль земную, все тяготы человеческие на себя...

Виктор Астафьев

В 1969 году в порту Байкал на горке у истока Ангары купил дачу писатель Глеб Иосифович Пакулов. В его большой светлый дом, сложенный из крепких лиственничных брёвен, стоящий в зелени высоких трав и деревьев, стали приезжать в гости его друзья, среди которых был Валентин Распутин. Сразу за домом начинаются поляны, сплошь заросшие цветами. А внизу сверкающей лентой раскинулась Ангара. В этом месте она рождается: пятнадцать минут ходьбы – и открывается великий Байкал. Эти сказочные места притягивали всех, и многие из гостей вскоре сами обзавелись дачами в посёлке. Валентин Григорьевич Распутин в 1974 купил в порту Байкал домик, приписанный к улице Вокзальной и значащийся под номером 1. На самом деле этот дом стоит одиноко между двумя частями посёлка, расстояние между которыми около километра. Он тесно прилеплен к старой байкальской горе, с высоты которой десятки лет тёмными ночами посылал свет маяк, доставленный сюда из далёкой Англии. В мае эта безлесая внизу, скалистая гора полыхает багульником, в июне белеет кашкой, а осенью от её сказочного разноцветья, от тёмной синевы Байкала, искрящего солнечными звёздами, просто захватывает дух. Сбылась мечта писателя: у него появилась возможность видеть озеро каждый день, наблюдать за ним, любоваться им. Домик, одиноко стоящий на берегу священного озера, постоянно меняющийся цвет воды и её блеск за окнами, шум волн и золотые россыпи брызг, перелетающих через дамбу... Что ещё надо для счастья и работы писателю, влюблённому в Байкал?

Озеро-море блистает великолепием совсем рядом и катит волны почти к самому дому. Границей между домом и Байкалом служит лишь старая Кругобайкальская железная дорога, сейчас одноколейная, а в первой половине XX века колеи было две. Возле дома, ставшего распутинским, десятки лет находилась высокая будка стрелочника, ревели паровозы и заволакивали окрестности густым чёрным дымом и облаками белого пара. Да и сейчас каждым

летом можно иногда увидеть паровоз, со свистом, шипением и оглушительным рёвом везущий туристов со всего мира подивиться на байкальские красоты. А в 70-е, 80-е годы здесь ходил поезд, составленный из товарных и пассажирских вагонов, цистерн с горючим. В рассказе “Век живи – век люби” Валентин Григорьевич назвал этот поезд, на котором ему приходилось ездить неоднократно, сборным чудом-юдом: “Да это и не поезд был, что принято называть поездом, а скорее грузовой состав, к которому прицеплялось для пассажиров когда три, когда четыре вагона, а зимой так хватало и одного. Рано утром это устаревшее сборное чудо-юдо уходило из посёлка и поздно вечером возвращалось...”

За железной дорогой, опять же рядом с домом, располагается портовый причал. В 70-е годы от этого причала отправлялись в путь по Байкалу многие пассажирские теплоходы и пароход “Комсомолец”, совершавший рейсы по Байкалу и не вмещавший всех желающих проплыть вокруг Байкала (иногда туристам разрешали ставить палатки на корме); а также теплоходы-труженники, тянущие длинный хвост плотов из толстых брёвен. Были даже свои танкеры, доставлявшие горючее на север Байкала.

Участок, состоящий из маленького дома и крошечного флигелька, напоминает оазис: здесь привольно живётся тополям, берёзам, черёмухе, сирени, огромной лиственнице. Близость Байкала, живописные горы, тишина, изредка нарушаемая проходящим поездом, – всё наполняет душу красотой, даёт ощущение вечности, пищу для размышлений, творчества. Вот с какой любовью говорит о своём участке Валентин Распутин в рассказе “Что передать вороне?»: “У нас на Байкале была своя ворона. У нас там был свой домик, своя гора, едва ли не отвесно поднимающаяся сразу от домика каменной скалой; из скалы бил свой ключик, который журчащим ручейком пробегал по нашему двору и возле калитки опять уходил под деревянные мостки, под землю, и больше уже нигде ни для кого не показывался. Во дворе у нас стояли свои лиственницы, тополи и берёзы, и свой большой черёмуховый куст. На этот куст слетались со всей округи воробьи и синицы, вспархивали с него под нашу водичку, под ключик (трясогузки длинным поклоном вспархивали с забора), который они облюбовали словно бы потому, что он был им под стать, по размеру, по росту и вкусу, и в жаркие дни они плескались в нём без боязни, помня, что после купания под могучей лиственницей, растущей посреди двора, можно покормиться хлебными крошками. Птиц собиралось помногу, с ними смирился даже наш котёнок Тишка, которого я подобрал на рельсах, но мы не могли сказать, что это наши птички. Они прилетали и, поев и попив, опять куда-то улетали. Ворона же была точно наша...”

“Оазис” в порту Байкал быстро стал для писателя своим, родным местом. Валентин Григорьевич любил гулять вдоль берега, по старой железной дороге, тихий и задумчивый, сидел на берегу, глядя, как плещут волны озера-моря, которое затит их миллионы лет. Жил просто: топил печь, подметал дворик, сажал картошку, подправлял забор. Воду предпочитал байкальскую, говорил, что она вкуснее, и ходил с вёдрами к озеру, хотя можно было брать очень чистую воду из ключика в своём дворе. Хрустальная горная вода, конечно вкусна, жива. Но вода Байкала, этот щедрый дар небес, – сокровище, чистейший и глубочайший земной колодец, – не может сравниться ни с чем. Валентин Распутин с детства пил байкальскую воду, избыток которой несла Ангара жителям стоящих на её берегах деревень и городов.

Воде и чаепитию Валентин Григорьевич придавал великий смысл. Люди, живущие на Руси, чаепитие всегда считали значимым событием. Для чая необходим был русский самовар и живая земная вода. За чаем общались, задушевно пели под гармонику уплывающие в необъятные просторы красивые песни, сложенные на родной земле, и проникались любовью к этой земле, к природе, к людям. В рассказе “Что передать вороне?” утреннее чаепитие в одиночестве на даче описано как таинство. Первый глоток байкальского чая обычно несёт гармонию и вдохновение, настраивает на работу, помогает “отыскать нужный голос, который не спотыкался бы на каждой фразе, а, словно намагниченная особым манером струна, сам притягивал к себе необходимые для полного и точного звучания слова...” Недаром старики в “Прощании с Матёрой” ангарскую водичку и чай из самовара не променяли бы на все городские блага. “Ой, да какой там чай! – говорит героиня повести Настасья. – Вода не дай бог морёная, её там травят чем-то, чтоб Ангарой не пахла...”

В фильме “Река жизни” Валентин Распутин приводит слова, которые зацепили его и постоянно вспоминались: “Без реки, без Ангары нашей, никто не проживёт, а все реки мимо Бога протекают, он в них смотрит и, как в зеркале, каждого из нас видит...” Значит, тем более никто не проживёт без Байкала, отца великих рек Ангары и Енисея. Виктор Петрович Астафьев, несколько раз приезжавший в порт Байкал, сказал, что в Байкале девственно-чистая вода, в которой, наверное, Создатель омывал новорожденных ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья...

Как для питья Валентин Распутин выбирал чистойшую воду, байкальскую, так в речи предпочитал слово русское, сохранял его девственную чистоту и страдал от загрязнения родной речи не менее, чем от загрязнения воды в реках и озёрах. Да и слова “река” и “речь”, конечно же, одного корня, родились от одной славянской праматери. Писатель видел, как сплошным потоком вероломно вторгаются в русский язык англицизмы и подменяют собой слова, взлелеянные пращурами, рождённые самой природой нашей Руси. Вода и речь – это бесценный дар предков, к нему нужно относиться бережно и защищать от всего наносного (что и делал всю жизнь Валентин Григорьевич), и тогда Россия будет процветать.

Здесь, на байкальском берегу, Валентин Распутин черпал вдохновение для создания своих самобытных книг о жизни сибирской деревни, о судьбе простого русского человека. Этот приозёрный уголок был мил немногословному, любящему уединение Распутину. Здесь, в стареньком доме и флигельке, “бисерным” почерком создавались лучшие произведения Валентина Григорьевича: “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой”, “Век живи – век люби”, “Что передать вороне?”, “Наташа”.

“Мне хорошо пишется в домике на Байкале”, – говорил он. Насколько хорошо, можно понять из рассказа “Что передать вороне?” В самом начале писатель говорит о том, как на даче пошла работа, зазвучал нужный голос, и с какой неохотой ему пришлось отрываться от стола, ехать в город. И, чтобы не растерять вдохновение, сошедшее к нему на байкальской земле, вернулся в порт вечером того же дня, даже видя, что маленькая дочь сильно соскучилась и очень хочет, чтобы отец остался дома хотя бы до утра. Валентин Распутин недоволен собой, он рассказывает о том, как сразу в наказание за поездку начались невезение и разлад в душе. И Байкал, когда до него с трудом добрался писатель, был неспокоен и неприветлив: “Безветрие и грохот воды; ощущение было жутковатое – точно там, за краем причальной стенки, начинается другой свет”. Ехать пришлось на портовском катеришке в сильный шторм: “... Катерок наш то вонзался в воду, то взлетал в воздух... а я, мокрый и продрогший, сидел на мешке с картошкой, который ездил подо мной, и безучастно ждал, чем всё это кончится...” Почему, ради чего Валентин Григорьевич отказался от тёплого вечера в семейном кругу? Его душе не давала покоя боль за русскую землю, и он торопился на Байкал, чтобы осуществить свой творческий замысел. Тянула одинокая дача, на которой он мог вдохновенно писать, “Матёра” – величайшая повесть XX века, в которую он вкладывал свою боль и всего себя. За это пришлось заплатить ещё одной болью: ему пришлось ощутить разлад с самим собой и с природой, почувствовать обиду и отчуждённость дочери, которая заболела из-за отъезда отца, и невозможность в этот вечер и на следующий день написать ни строчки. Для чего же писателю было дано пережить такое состояние? Вероятнее всего, чтобы появился прекрасный рассказ-откровение “Что передать вороне?”

Доводилось жить в своей избушке Валентину Распутину и зимой. Переправы в зимние месяцы, когда стоял лёд, не было, и приходилось ему, как местным жителям, добираться из Листвянки в порт пешком. Чтобы попасть в свой домик, нужно было пересечь незамерзающий исток по кромке льда. По дороге попадаются большие трещины, лёд гудит, трескается под ногами, временами густой туман плотной завесой закрывает путь, пронизывающий хиус забирается под одежду. Путь не совсем безопасный, но незабываемый. Зимний исток Ангары прекрасен! Лёд местами покрыт снегом, местами, очищенный от него ветрами, во всей красе лежит сияющий прозрачным зеркалом. Сквозь чистый лёд, весь в зигзагах и сплетениях белёсых трещин, видна вода, в зависимости от глубины кажущаяся то чёрной, то синей, то светло-зелёной. Встречаются живописные причудливые нагромождения торосов. Недалеко от

пешеходов плещутся в стилой дымящейся ангарской воде дикие утки, каждый год прилетающие сюда зимовать. А какие яркие и вместе с тем нежные расцветы и закаты на зимнем Байкале!

Валентин Григорьевич любил Байкал в любое время года. Но зимой жить подолгу здесь не мог: нужно было заготовливать дрова, подолгу топить печь. А с мая, когда озеро вскрывалось, он жил, в основном, на даче. На лето приезжала и семья Распутиных.

Много думал в своём домике писатель о нелёгкой доле русского народа и о страшных испытаниях для русского духа, выпавших во второй половине XX века. В 50-е годы началось строительство Иркутской и Братской ГЭС, повлекшее затопление больших территорий. В фильме “Река жизни” энергетик рассуждает так: “Мы не будем жечь 3000 тонн угля каждые сутки. Или мы затопим старое село. Что для нашей цивилизации лучше? Есть понятие: плата за цивилизацию”. Это рассуждение сродни примерно такому: “Отруби-ка матери палец и будешь жить богато”. Дешёвая электроэнергия дорого обошлась людям, выселяемым с обжитой веками земли, особенно старикам, которые, как вековые деревья, вросли в родную почву. Потрясают слова Дарьи из “Прощания с Матёрой”: “А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь...” Но всё же затопили посёлки, затопили с погостами, с церквями. Был затоплен даже Братский острог, хотя часть его всё же сохранили: перевезли в музей посёлка Тальцы, что находится недалеко от Байкала. Уничтожалась красота русской природы, на дне оказались сибирские леса. Деревья, напоминающие гигантские водоросли, медленно умирали, а потом “утопленники” во множестве всплывали на поверхность неммым укором. Русские земли издревле выжигали враги, ангарские же земли выжгли дотла, а потом и затопили “сыны” отечества в целях экономии. Валентин Григорьевич понимал, что воды, пущенные человеком для затопления земли как “плата за цивилизацию”, могут подмыть корни огромного, хранящего Землю Лиственя, и поплывёт человечество в ужасе и хаосе, им же созданном, к быстрому своему концу. И защищать Землю надо всем миром.

Варварское отношение к природе, к своим соотечественникам стало личной болью для Валентина Распутина, родившегося на Ангаре в небольшом посёлке Аталанка. Он говорил: “Я всегда был и останусь на стороне защищающейся от человека природы”. С возрастом он всё сильнее ощущал себя частичкой природы, чувствовал, что связь с природой велика, неразрывна. В очерке “Видение” писатель, глядя на берёзы, размышляет: “Я стою среди них и думаю: видят ли они меня, чувствуют ли? А может быть, тоже ждут? Уже не кажется больше растительным философствованием, будто все мы связаны в единую цепь жизни и в единый её смысл – и люди, и деревья, и птицы. В старости так больно бывает, когда падает дерево!”

Вышедшая в 1976 году повесть “Прощание с Матёрой” стала откровением для многих читателей, заставила их содрогнуться от содеянного людьми на земле, наполнила сердца болью за стариков, сплотившихся, отстаивающих родные дома, родные могилы. Но противостоять силе принятых государственных решений они не могли, как не может земля побороть натиск большой воды.

Ангара связана с Байкалом кровными узами. И Валентин Распутин, находясь на Байкале, следил за событиями, происходящими на Ангаре, чувствовал природу реки, слышал плач затопленной земли. Быстро слагалась повесть, хорошо работавшая в байкальском домике под сенью семи лиственниц, одну из которых он в рассказе “Что передать вороне?” назвал могучей. Может быть, с неё рисовал он тот самый незабываемый Листвень из “Прощания с Матёрой”?..

Жители порта Байкал часто бывали у писателя в гостях. Многие засиживались допоздна, любили поговорить с Валентином Григорьевичем, тем более что он внимательно слушал каждого. И многим писатель дарил свои книги с автографами. Можно было его увидеть сидящим на берегу с грузчиками порта, которые рассказывали о своём нелёгком житье. Иногда рыбачил с местными жителями на Ангаре, хотя рыбалка не была его страстью. Общаюсь с местными жителями, художник подмечал всё: чем живёт простой сибирский человек, чем интересуется, как говорит, как ведёт себя в тайге, как относится к другим. Многих портбайкальцев можно встретить на страницах произведений Распутина. Вот бабушка села отдохнуть возле его дачи и смотрит с уко-

ризной, как может мужчина так поздно вставать; вот разухабистые пьяные парни, падающие на катеришке с мешками картошки, с риском для жизни в шторм доставляют его в порт... Некоторые жители стали прототипами главных героев повестей и рассказов, в том числе и “Прощания с Матёрой”. История с оцинкованным ведром в рассказе “Век живи – век люби” – не выдумка писателя, она на самом деле произошла в прибайкальской тайге.

Валентин Распутин не понимал, как можно везти картошку из города в деревню и как можно не запастись на зиму лесными дарами, живя недалеко от леса. Сбор ягоды был его страстью. В молодости писатель страдал гипертонией и часто ходил и ездил за жимолостью. Иногда возил его на машине на ягодники Альберт Семёнович Гурулёв, приезжавший в порт Байкал. Ходил в лес с издателем Николаем Ивановичем Есипёнком, у которого есть об этом рассказ. Много лесных троп было исхожено с учёным-фольклористом Валерием Петровичем Зиновьевым, с которым Распутин познакомился в Иркутске, а подружился на Байкале. Ходил за ягодами и с Пакуловым, хотя Глеб Иосифович собирать ягоды не любил, зато не мог жить без рыбалки.

Нередко приглашали его за ягодой на старую железную дорогу и местные жители. Они водили его на ягодники, расположенные во многих местах Кругобайкалки: на 80-м километре, на 94-м, на 102-м. Поезд (“сборное чудо-юдо”) уходил ночью, возвращался вечером. Часто оставались ночевать в лесу в зимовьях. Добротное зимовье было построено в лесу в районе восьмидесятого километра. Не раз проводил в нём ночь писатель. На 94-м километре очень привлекала Распутина избушка, находящаяся недалеко от железной дороги на живописной полянке, но надёжно спрятавшаяся в деревьях от посторонних глаз. Да и посторонних глаз в этих местах бывает мало. Хотелось здесь жить и писать, в таком месте никто не докучает, тишина, красота, пенье птиц, и до святого Байкала рукой подать: он плещется за рельсами Кругобайкалки. Железная дорога и прилегающие к ней леса настолько живописны, что могут наполнить любовью к природе, вдохновить на творчество самого чёрствого человека. А какой богатой кладовой стали они для Распутина! Он ходил в тайге легко, ягоду собирал быстро и ловко, с любовью касался каждой ягодки. А какой вкусной была нехитрая еда на привалах и чай, заправленный смородиновым листом и пахнущий дымком! Эти впечатления легли в основу рассказа “Век живи – век люби”. Читатель понимает, что не герой рассказа Саня, а сам автор до самозабвения любит природу байкальских гор и полностью растворяется в ней, что это он, зачарованный, с любовью, осторожно срывает каждую ягодку: “Пальцы скоро научились чувствовать податливость ягоды, её крепость и налив, и трогать её то одним лёгким касанием, то осторожным нажимом, то с мягкой подкруткой, чтобы не повредить её, когда ягода не хотела отставать от ростка; пальцы делали своё дело быстро и на удивление ловко... И обминая, обласкивая каждую ягодку, подталкивая их одну за другой в ладонь и сыпая затем в пристёгнутый к ремню бидон, болтавшийся у него на животе, повторяя во множестве одни и те же движения, он и не замечал их однообразия, как не замечал времени, с головой уйдя в это живое и чувственное рукоделье и потерявшись совершенно в его частом и густом узоре...”

Для Валентина Григорьевича сбор ягод – это рукоделие, волшебство, а вкуснее ягоды, сорванной с куста, ничего нет и быть не может. Его герой оправдывается перед голубицей за то, что вынужден её сорвать: она нужна маленькой девочке по имени Катя. Валентин Распутин заготавливал на зиму ягоды для любимой дочери Маруси. Этим “живым и чувственным рукодельем” автор рассказа продолжал заниматься на Кругобайкалке ещё много лет после того, как уехал из посёлка.

В рассказе “Век живи – век люби” автор любит необъятными просторами байкальской тайги, неприступными скалами, могучими соснами и кедрами – всем, что открывается взору. И слагает гимн прекрасному солнечному дню, одному из тех, какие выдаются в природе редко: “...это был его величество и сиятельство день, случающийся на году лишь однажды или даже раз в несколько лет, в своём величии, сиянии доходящий до последних границ”.

Такой день стал подарком для Валентина Распутина и московского писателя Владимира Крупина, приехавшего погостить в порт. В этот “величество и сиятельство” день они ушли из порта Байкал по старой железной дороге. Об этом путешествии вспоминает Валентин Распутин в очерке “Байкал”, который стал одой байкальскому дню, блистательной поэзией прозы: “Был

август — лучшее, благодатное время на Байкале, когда нагревается вода и бушуют разноцветьем сопки, когда, кажется, даже камень цветет, полаяя красками; когда солнце до блеска высвечивает внове выпавший снег на дальних гольцах в Саянах, которые представляются глазу во много раз ближе, чем они есть в действительности; когда уже впрок запаса Байкал водой из тающих ледников и лежит сыто, часто спокойно, набираясь сил для осенних штормов; когда щедро играет подле берега под крики чаек рыба и когда на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая — то малина, то смородина, красная и чёрная, то жимолость... А тут ещё и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит. Байкал чист и застывшие-тих, далеко в воде взблёскивают и переливаются красками камни, на дорогу пахнёт нагретым и горчащим от поспевающего разнотравья воздухом с горы, то неосторожно донесёт прохладным и резким дыханием с моря...

В этом отрывке — вся безбрежная любовь Валентина Распутина к природе Байкала. Мы видим, с какой гордостью показывает он своему гостю ставшие родными места, как сам он не менее, чем писатель-москвич, по-детски восхищён и зачарован ослепительными картинами Кругобайкалки, как радуется оттого, что его друга переполняют впечатления. Наверное, немного они общались во время этой большой прогулки, слова просто были не нужны. Владимир Николаевич Крупин навсегда запомнил “Его сиятельство” байкальский день, а по приезду в Москву написал Валентину Распутину: “Как хорошо, что у нас есть Байкал! Я поднимаюсь утром и, поклоняясь в вашу сторону, где батюшка-Байкал, начинаю горы ворочать...” Валентин Григорьевич подписался бы под каждым из этих слов. Своим друзьям и знакомым, которые собирались уехать из Иркутска, он говорил: “Как можно уехать от Байкала?”

Шли годы, всё менялось в стране и в посёлке. Сплошным потоком шли грузы через порт на север Байкала для строительства Байкало-Амурской магистрали. С южного Байкала на северный большими партиями в виде плотов доставляли строевой лес. Мощными байкальскими ветрами, как нитки, разрывало стальные тросы, которыми крепились плоты из брёвен. Эти плоты длинными хвостами тянулись за теплоходами, которые еле-еле тянули такую тяжесть. Плоты рассыпались, их разносило ветром по озеру, брёвна плавали, потом, тяжелея, уходили под воду, устилали дно. (Одно из таких брёвен, называемых в народе “топляками”, и стало причиной гибели Александра Вампилова.) По Кругобайкальской дороге шли многочисленные поезда с грузами для БАМа. Недалеко от домика Распутина загрохотали высотные краны, порой сутки напролёт загружающие многотонные баржи. Покой в доме писателя по улице Вокзальной 1 закончился. К тому же в отсутствие писателя совершались набеги на дачу, доставлявшие много неприятных минут. И Валентин Григорьевич решается на отъезд. Через некоторое время у него появилась новая дача — на 24-м километре Байкальского тракта. С Байкала он уехал, но сердце художника уже целиком ему принадлежало, и на Байкале он продолжал бывать часто и много. И много о нём писал.

Не раз приходилось читать и слышать, что Распутин ничего великого не писал, начиная с 90-х годов прошлого века, а писал только публицистику. Как можно назвать то, что создал Валентин Григорьевич в это время, безликим словом “публицистика”? Вот эссе “Байкал предо мною”. Это не публицистический текст, это шедевр даже не прозаический, это “чистое золото поэзии”, это высочайшая музыка, от которой замирает душа. Это безграничный космос. Читая “Байкал предо мною”, так ясно видишь незабываемые картины, подаренные грандиозным художником-Байкалом художнику-человеку, что озеро предстаёт перед тобой во всём великолепии, во всей тайне, понимаешь, это ТВОЙ Байкал, это Ты его только что видел, он перед ТОБОЙ, и он прекрасен. Порой ощущаешь себя летящим над синей водой, благоговеешь от красок, от музыки слова, неповторимой, как уникальное озеро. Жители порта Байкал распечатали этот текст, с упоением читали эти строки, передавали друг другу и гордились тем, что с такой грустью и такой любовью Распутин говорит о своём милом сердцу домике, о своих незабываемых байкальских прогулках, о чудесах, подаренных ему Байкалом: “В молодости, уже и тогда ища одиночества, завёл я в порту Байкал домик в одну комнатку с кухонькой, жизнь в которой в течение нескольких лет вспоминаю как лучшее, по мне сшитое из всего, что выпадало затем во многих поисках и бытовых одеждах. Особенно любил я там октябрь, когда исчезают и гость, и турист,

местный народ успокаивается под скупым теплом и в последних предзимних трудах, общее умиротворение и прощание наступают в мире, и когда каждый отклик, каждый звук в просторных горизонтах раздаётся с певучим колокольным резонансом... Я любил ещё тёплыми и мягкими подарочными вечерами, провожая солнце, уходить по рельсам старой Кругобайкальской дороги далеко, туда, где нет ни одной человеческой души, подолгу сидеть на берегу, совершенно забывая себя, а потом подняться в гору, да повыше, и там тоже замереть в блаженстве, ничего-ничего на свете больше не желая, кроме как надыхиваться и насматриваться хоть до бесконечности расстилающейся внизу благодатью...

Эти строки наполняют светом и очищают душу, становится радостно оттого, что Валентин Распутин до полного самозабвения любил сладкий живительный воздух байкальских гор, обретал душевный покой наедине с природой, замирал и немел при виде божественного лика родной сибирской природы. Ему приятно было ощущать себя её частичкой, растворяться в ней. Всё на Кругобайкальской дороге одухотворено, живёт своей жизнью, имеет предназначенье и время благоденствия: травинка, цветок, деревце, дом. Проникновенно рассказывает Распутин о судьбе дома на 80-м километре Кругобайкалки, который был сложен в начале XX века в стиле железнодорожного модерна. Дом этот, созданный на диво, когда-то был молодым, модным, “выглядел он так, будто и в Европе побывал, и от родины не отстал”. Писатель увидел его, когда дом был уже в преклонном возрасте, ему уже тяжело было высоко держать красивую голову, но он крепился, не сдавался ветрам, снегам и дождям и стойко переносил одиночество. К этому дому всегда тянуло писателя. В жаркую погоду дом ему дарил свою спасительную прохладу, а в ненастные дни укрывал от ветра и дождя. Хорошо, спокойно было находиться внутри перед тем, как ступить на заповедные тропинки, ведущие в желанные, обильные брусничкой и голубицей края, и благостно вернуться сюда после многих, никем не считанных километров лесного пути, прилечь в доме, чувствуя истому, закрыть глаза в приятной дремоте и видеть отчётливо, как настоящие, ягоды, к которым совсем недавно прикасалась рука.

Валентин Григорьевич рассказал, как фольклорист Валерий Петрович Зиновьев с товарищами подправил дом, сложил печь, дал ему силы жить дальше. Как-то в мастерской у иркутской художницы Галины Евгеньевны Новиковой Распутин увидел этот дом на холсте “во всей его благородной старости и в нёмбе осенней позолоты”. Он с большим “воодушевлением, как о родном, родительском, стал о нём говорить”, и художница сразу подарила ему картину.

К сожалению, дом, так влекущий к себе, воспетый художниками, ждала печальная участь. Вот как сказал об этом Распутин: “Позднее, вроде уже и отреставрированный, дом сгорел. Сожгли, наверное. Сожгли, чтобы сжечь, так же как мой товарищ не дал ему упасть, чтобы он жил... Много что сожжено на Кругобайкалке из деревянной её красы. Или разобрано на дрова. Варварство любит идти следом за совершенством, и прошлось оно разбойно по всей заповедной дороге”.

С огромной болью смотрел Валентин Григорьевич, как разбило на осколки русский народ, как разбивает неистовый шторм игольчатый лёд на Байкале, и плывут себе льдины и льдинки в потёмках, куда гонит их ветер, сшибаясь друг с другом, пока не превратятся в однородное крошево. Люди потеряли связь друг с другом, с мирозданием. “Господи, мы одиноки!”

Больно было видеть, как заводы, байкальский и селенгинский, травили Байкал, как суда наполняли воду мазутом, как огромный поток туристов оставил после себя тонны мусора. А Байкал постепенно утрачивал способность к самоочищению, к самовосстановлению. Вода мутнела, мертвела... Валентин Распутин боролся за чистую воду, за чистый Байкал, призывал опомниться тех, кто уничтожает уникальное озеро: “Байкал существует не сам по себе в своих автономных границах, и не только ветры и солнце, луна и звёзды по известным нам законам приводят его в движение... Нет, многими и многими чувствительными капиллярами связан он со всем огромным миром, видимым и невидимым, который нам до конца не дано постичь, поэтому лучше оставаться разумными сыновьями. Отцовская благодать Байкала так велика, что ни дух, ни тело наши бедствовать не могут. Так не станем же посягать на то, что нам не принадлежит. Надобно раз и навсегда поверить, что никогда Мать-Земля такое святилище, как Байкал, в том числе и нам, на поругание не отдаст...”

Ясно одно: Распутину необходим был Байкал, а Байкалу было нужно, чтобы этот великий художник поселился на его берегах. И замечательно, что эта встреча произошла, что Байкал будет вечно сиять со страниц книг Валентина Григорьевича, чистых и прекрасных, как сибирские родники.

Ушёл писатель, остался дорогой его сердцу уголок. Семь лиственниц, как молчаливые часовые, продолжают охранять дом. Так же, как и в далёкие 70-е, на них сидят вороны. Может, среди них есть та, которую Распутины называли “нашей”. А за окнами по-прежнему плещется Байкал и, наверное, грустит о потере, ведь такой любящий и благодарный сын был у него пока только один за двадцать пять миллионов лет.

2. ВСЕ ЧУВСТВА ПРЕВРАТИТЬ В ЛЮБОВЬ

Я любил Байкал, считал, что его никто так не любил, как я.

Леонид Бородин

Путешественник, решившийся пройти пешком 80 километров Кругобайкальской железной дороги, никогда об этом не пожалеет и эту дорогу забыть не сможет. Каждый из этих километров станет для него открытием, соприкосновением с чудом, с вечной красотой. Он увидит горы, заросшие деревьями и цветами, упирающиеся в небеса живописнейшими скалами, увидит опрокинутое отражение этих гор в огромном чистейшем зеркале воды, их отроги, уходящие в недосыгаемые прозрачные байкальские глубины. Ослепительным летним днём золотые от солнца рельсы приведут его к чёрному portalу длинного туннеля, он с волнением зайдёт в его гулкую прохладу, поёживаясь от сквозного холода. Чем дальше он будет заходить в туннель, тем больше будет погружаться в черноту его, затем перестанет различать прямоугольники камней, из которых сложен туннель, услышит звуки собственных шагов, усиленных тёмными сводами и разносимых эхом в подземной пустоте, сильнее почувствует ледяное дыхание тьмы. Есть места в туннелях, где не видно их начала и конца. Там царствует полная темнота, она чернее всех ночей. Возможно, путешественника охватит безотчётный страх. С радостью он выйдет опять к свету, который на мгновение ослепит его после крошечной тьмы. Ощущения, которые он испытает, сродни разве только ощущениям человека, неожиданно увидевшего полное солнечное затмение.

А на выходе из туннеля снова ждёт ласковое солнце, так же горят огнями цветов горы, так же открываются всё новые и неожиданные по красоте скалистые ансамбли, созданные великими зодчими: мощными байкальскими ветрами, сильными снегопадами, ливневыми дождями. Тихонько рассказывает о чём-то нежными всплесками море. Иногда покажет над водой голову нерпа, очаровательное дитя Байкала, а потом нырнёт и уплывёт, играя, в подводные дали. И вот снова туннель, который среди этого ослепительного блеска невиданной красоты представляется проводником в иной мир, человеку неведомый, где, наверное, и живут души тех людей, могучих, умелых, кто строил эту дорогу, строил настолько гениально, что невозможно поверить, что эта золотая байкальская цепочка – сооружение рук человеческих. Так же, как трудно поверить в то, что людьми были возведены египетские пирамиды, а легче поверить в их строительство с помощью добрых космических посланников. Создавать так, как создаёт природа, возвести такой колосс, как Кругобайкалка, не испортив величественных картин природы, а, напротив, украсить берега золотой нитью уникальной железной дороги – великое творчество, вершина мастерства и гениальности. Теперь дорога отдыхает от большого магистрального движения, и по ней можно спокойно идти и удивляться увиденному. А в первой половине XX века Кругобайкалка едва справлялась с потоком железнодорожных составов, мчавшихся мимо девственных байкальских гор. Какой диковиной должно было казаться полотно с вершин гор, с их скалистых престолов, в первой половине XX века до 1956 года: вдоль синей воды по двум блестящим ниточкам едут в облаках дыма крошечные паровозики-работяги, пыхтят, упираются, тащат за собой длинный хвост вагончиков, исчезают под зелёной горой и появляются вновь. Встречаются, приветствуют друг

друга, а затем исчезают в необъятных просторах Сибири... Восьмым чудом света назвали люди Кругобайкалку, тем самым показав, что количество архитектурных чудес не ограничивается числом семь. Рукотворное и природное, реальное и сказочное на Кругобайкалке так переплетены, что между ними не видишь никакой грани. И тому, кто идёт вдоль байкальского побережья по столетней дороге, то щурясь от яркого солнца, то погружаясь в вечный мрак туннелей, держащих, как Атлант, на своих каменных спинах неимоверную тяжесть старых скалистых гор, очень легко поверить в чудо. Такая она, Кругобайкалочка, – чудесный фильм двух режиссёров: природы и человека, волшебная сказка, которую каждый бывающий видит и читает по-своему. По-особенному открывается байкальская земля людям, которые умеют вслушиваться, всматриваться, замолкать при виде таких красот, а порой и забывать себя...

Маленького мальчика, Бородина Лёню, привёз на Кругобайкалку в посёлок Маритуй железнодорожный состав с ревушим и дымящим паровозом. Родители Лёни приехали сюда жить и работать учителями вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Мальчик сразу полюбил эту землю, понял, что здесь его дом, его родина. Здесь он уверовал в чудо, дышал и жил байкальской природой, байкальскими сказками и легендами. А через много лет он, уже известный писатель Леонид Иванович Бородин, рассказывал в повести “Год чуда и печали”, как их семья приехала в посёлок ночью, когда было совсем темно, как утром он увидел Маритуй: “Проснулся я, как в сказке, совсем в другом, новом мире. В комнате было ослепительно светло, на стене напротив меня – это первое, что я увидел, – косой и тёплый квадрат солнца”. И первые ощущения не обманули: детские годы, проведённые здесь, были годами тихого счастья, солнечного тепла, интересных открытий, байкальских чудес. “Теперь я уже точно знал, что вся моя жизнь в этом месте будет сопровождаться чудесами, предчувствие бесконечной новизны сделало меня радостно-спокойным”, – писал Леонид Иванович.

В своей повести “Год чуда и печали”, которую критик Валентин Курбатов назвал светлейшим произведением XX века, автор называет невезучими людей, у кого не было в жизни даже самого пустякового чуда. И он вызывался им запросто помочь. Для этого всего-навсего нужно сесть в электричку Иркутск–Слюдянка и проехать по-над Байкалом:

“Внезапно распахнутся горы, и не расступятся, а именно распахнутся сразу на три измерения – вверх, вдаль, вниз, и тотчас же откроется необычайное, окажется, что поезд ваш идёт по самому краю вершины высоченной горы, а точнее, по краю обычного мира, за чертой которого, если вверх, то синева дневного космоса, если вдаль, то беспредельная видимость горизонта, расписанного орнаментом бегущей с севера на юг кривой линии острияков вершин Хамар-Дабана, но вниз если, то там откроется ослепляющая взор страна голубой воды и коричневых скал, и это так глубоко внизу, что вы можете забыть относительно того, где же вы сами в этот момент находитесь: на поезде, или на самолёте, или на орбите незнакомой планеты. Для вас исчезнут стук колес, тряска вагона, для вас исчезнет само движение, потому что по отношению к необъятности открывшейся панорамы скорость поезда смехотворна, и вы как бы повиснете на краю фантастического мира, и вместе с движением поезда прекратятся и мысли, и чувства, и всё ваше суетное бытие преобразится в этот миг в единое состояние восторга перед чудом! Чудо, что откроется вам, если вы сядете в иркутскую электричку у окна по ходу поезда, зовётся Байкалом...”

Электричкой Иркутск – Слюдянка часто приходилось ездить Бородину. Из Слюдянки он отправлялся в Маритуй, расположенный на середине Кругобайкалки. Если Кругобайкалку называют золотой пряжкой, то посёлок Маритуй можно назвать золотым язычком или драгоценным камнем этой пряжки. Валентин Распутин говорил, что Маритуй – самый большой и красивый посёлок на Кругобайкалке, картинно и весело протянувшийся по долине реки почти на километр. Строился Маритуй, в основном, в начале XX века, строился и украшался, казалось, на долгие времена. Один за другим вставали по берегам речонки, от которой посёлок получил своё название, прочные красивые дома, начинаясь от Байкала и уходя по излучине долины в леса. Большинство домов располагалось по правому, солнечному, берегу речки. Посёлок

состоит из двух частей: станции и долины, расстояние между которыми около километра. Они и образуют две маритуйские улицы, которые всегда были безымянными. Поезда в Маритуге всегда делали две остановки.

Маритуй, в основном, возводился в один этаж, несколько домов были двухэтажными. В посёлке была и ныне существует почта, были своя больница, школа, клуб, поселковая библиотека, читальный зал, метеостанция. Был посёлок и местом практики студентов-биологов Иркутского государственного университета. Одним словом, Маритуй был культурным центром на Кругобайкальской железной дороге.

Украшением посёлка является неглубокая, но быстрая речка Маритуй. Она бежит, то прячась в тени кустарника и деревьев, то совершенно открыто, и наполняет звонким журчанием всю долину. Через речку перекинута несколько деревянных мостиков, с них хорошо смотреть на каменистое дно, на белеющие буруны, на берега, желтеющие блестящим зверобоем и зеленеющие разлапистым борщевиком. Вода с гор довольно холодна даже летом. Эта небольшая речка часто зимой проявляла большой характер. Блуждая под ледяным панцирем и стремясь убежать из-под него, норовистая речка разливалась, но оставалась в плену и лишь увеличивала ледяной покров. Подтапливала огороды и дома. А весной, когда кругом уже всё было зелёным, на речке медленно таял потемневший лёд. Особенно долго он таял возле железнодорожного каменного моста, который является украшением посёлка и частицей Кругобайкальского чуда. Ещё в жаркие июньские дни на маритуйском мосту охватывает ледяной “туннельный” ветер. Минувя этот вековой мост, речка радостно устремляется в Байкал.

В долине речки находились пять домов, в которых частями размещалась самая большая на Кругобайкалке школа. При школе был интернат на 180 мест, который находился на левом, малоосвещённом берегу, у горы, в самом конце маритуйской улицы, лежащей в долине. Интернат был на первом этаже двухэтажного дома, а на втором находились несколько классов, и там же в двух угловых комнатах поселилась семья Бородиных. Интернат собирал в свои стены всех ребят по железной дороге с посёлков, начинающихся от Култук и до порта Байкал, где была тогда только четырёхлетка. В Маритуге же была семилетняя школа.

Самыми яркими учителями маритуйской школы, которых помнят все выпускники, стали Иван Захарович и Валентина Иосифовна Бородины. Иван Захарович был директором школы. Дети сразу полюбили этого энергичного, деятельного, душевного, заботливого, много знающего и умеющего человека. Воспоминания об Иване Захаровиче у его бывших учеников только самые светлые, и все бывшие его ученики сразу в разговоре о нём произносят слово “добрый”. Школе № 47 посёлка Маритуй повезло, что она попала в надёжные руки Ивана Захаровича. До приезда Бородиных школа отапливалась с помощью печей. Иван Захарович перевёл школу на паровое отопление, сделал тёплый туалет. В школе держали свиней. Местные жители, у кого были коровы, обеспечивали школу молоком. Ученики дежурили по столовой, головы дежурных девочек были покрыты чистенькими отглаженными платочками. В те годы в стране ещё ощущалась нехватка продуктов, но в школе кормили детей хорошо. А вечером от поезда на коне привозили свежий, ещё тёплый хлеб, и ребятам казалось, что на всей земле нет хлеба вкуснее этого.

Валентина Иосифовна работала учителем истории, заведовала богатой по тем временам школьной библиотекой. По воспоминаниям бывших её учеников, она была очень справедлива и строга. На её уроках никто не разговаривал, да и в интернате было всегда тихо. Вспоминает Светлана Владимировна Косинова, ученица Бородиных: “Привели школьников как-то в клуб. Все очень шумели. Вышла Валентина Иосифовна. Она не произнесла ни слова, но в зале стало стихать. Вскоре наступила полная тишина. Вот как уважали этого учителя. Да и вообще учителей в то время уважали”.

Некому было вести музыку, и Валентина Иосифовна стала вести и этот предмет. Она хорошо играла на пианино, на гитаре, могла настраивать инструменты. Организовала в школе хор. И в небогатом доме Бородиных пианино было самой ценной вещью.

Вспоминает бывшая ученица маритуйской школы Ляскина Екатерина Владимировна: “Как только Бородины приезжали в посёлок, – а они приезжали

сюда работать три раза, — школа оживала. Сразу находились средства на ремонт, начиналась деятельность, школа преображалась”.

В Маритуге работали прекрасные учителя, некоторые были родом из Маритуга, другие (в их числе Бородины) приехали сюда из разных мест Иркутской области. Случалось, приезжали издалека. Из Брянска приехал учитель Михаил Митрофанович Голайдо, он очень полюбил Маритугу, школу, Байкал, сибирскую тайгу, в которую ходил и летом, и зимой. Давно уехал он из Маритуга, но не забывает о нём. Эдуард Васильевич Лесик, преподававший в школе математику, приехал из Ужгорода. Ему так понравился цветущий багульник, что он хотел поделиться этой красотой с женой. Эдуард Васильевич отправлял посылки жене с нераспустившимся багульником, который расцветал в Ужгороде. Все учителя школы № 47 были интересными людьми, любили своё дело, были очень дружны, а уезжая, не забывали друг друга, общались письмами, обменивались фотографиями. “Учителя дали нам всё”, — говорят выпускники школы, вспоминая любимых преподавателей.

Самым большим наказанием для маритуйских школьников был запрет идти в кино. Кинозал был самым любимым местом школьников, он находился в одном здании с библиотекой и читальным залом. Недаром в повести Леонид говорит, что с мальчиком Юркой все хотели дружить, потому что брат его был киномеханик. (Младшего брата на самом деле звали Вовой, а брат его — Виктор Михайлович Ляскин). Кино было притягательным волшебным миром, и чтобы туда отпустили, из школьной жизни изгонялась лень.

Школа быстро стала родной для Лёни Бородина. В школе был его дом, здесь работали его родители, учились его друзья, одноклассники. Учился он с удовольствием. Когда в мае 1952 года седьмые классы — их было два — заканчивали учёбу в Маритуйской школе, они пришли на берег Байкала. Лёне захотелось искупаться в ледяной байкальской воде, которая была не выше пяти градусов, ведь Байкал очищается ото льда только в конце апреля или начале мая. В этом поступке скрыты доверие и любовь к Байкалу: “Я вырос на твоих берегах. Сегодня очень важный для меня день, и сегодня я пришёл к тебе, Байкал, со своей радостью и печалью”. Лёня очень замёрз и после купания сильно дрожал, не мог согреться. Девочки на берегу сняли с себя кофты и надели на него. Потом все пошли в любимый кинозал смотреть фильм. Всем было и весело, и грустно одновременно: они окончили школу, и им скоро придётся расстаться. А Лёне пришлось расстаться и с Маритугем, и с Байкалом, потому что их семья отсюда уехала. Но не насовсем.

Через несколько лет Маритугу снова позвал Бородиных, и они, очень скупавшие по посёлку, приехали сюда вновь, уже без Леонида, потому что он был осуждён и отбывал свой первый срок. Он находился далеко, но мысли и душа были в Маритуге, потому что в тюрьме писал он повесть о своём детстве “Год чуда и печали”. Родители приехали с маленьким Сашей, братом Леонида. Бородины поселились на этот раз в большом доме, у самой речки. А сразу за речкой через мостик — интернат, где они жили раньше. Дом оказался солнечным, просторным, высоким, рядом — большой огород. Сейчас этот дом называют домом Леонида Бородина, потому что он тоже тут жил, когда вышел из тюрьмы. Бывшего заключённого куда не брали на работу. Выручил и согрел родной Маритуг. Леонид нашёл работу монтажера пути на Кругобайкальской железной дороге. И семья Бородиных в полном составе стала жить в доме, который оказался жизнестойким. Он мало изменился, и в 2015 году выглядит так же хорошо, как и в 1967-м.

Байкал, Маритуг, любимые родители и сам Лёня Бородин стали героями произведений “Год чуда и печали” и “Повести о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефёдова”. В основе этих повестей — детские впечатления Леонида Бородина. Леониду Ивановичу всё в Маритуге было по душе: и земля, и люди. “. . . люди. . . сплошь хорошие и работающие — других не помню”, — говорил он. Речь своих земляков, не всегда соответствующая литературным нормам, казалась ему самой правильной. Местные жители вместо слова “ущелье”, говорили “падь”, вместо “кедровник” — “кедрач”, “туннель” употребляли в женском роде, рельс тоже был женского рода, говорили “рельса”. И Леонид Иванович выбирает этот, привычный ему с детства язык. “Пусть уж мне простится, что так буду писать”. И писал о них, людях, которые его окружали, которых любил: соседях, одноклассниках, солдатах, охранявших

железную дорогу. Здесь мальчик, с самого раннего детства привыкший к слову “война”, видел солдат и в мирное время. В “Повести о любви... старшины Нефёдова” он рассказывает об охране туннелей: “Кругобайкальские туннели охранялись солдатами, потому что шла война с Японией, и японские диверсанты или самолёты могли добраться до железной дороги. А вывести её из строя труда не составляло: дорога шла среди крутых высоких скал, около 50 туннелей на пути. Около каждой туннели – “грибок”, и под ним круглосучно солдатик стоит – винтовка с примкнутым штыком, патрон в патроннике, – и имеет право солдат стрелять без предупреждения, если кто подозрительно попытается проникнуть в туннель или опять же подозрительно высунуться из окна проходящего пассажирского поезда. А чтоб такого не случилось, как только пассажирский поезд трогался со станции Байкал в нашу туннельную сторону, проводники замыкали тамбуры вагонов, окна вагонов тоже замыкались особым ключом и занавесками закрывались, а пассажиров предупреждали, чтоб не смели пялиться в окна и тем более пытаться открывать их”. Но ребята, и Леня в том числе, ходили куда хотели, потому что солдаты местных ребят знали в лицо.

В повести “Год чуда и печали” Леонид Бородин рассказывает, как произошла его первая встреча с Великим Байкалом. В то первое на байкальской земле утро он осматривал маритуйские окрестности, забрался на гору и сделал вывод, что горы существуют для того, чтобы на них забираться, а достигнуть горных вершин на вертолёте казалось ему кощунством. (И потом, став взрослым, не раз убеждался, что жизненные вершины нужно покорять самому, а не ждать, когда тебя туда кто-нибудь подбросит.) С вершины крутой горы Лёня вдруг увидел в плотной завесе тумана “белое ничто”. Это был Байкал, начисто скрытый от любопытных мальчишеских глаз. Байкал в первое для Лёни утро на этой земле словно играл с ним в прятки. В сказках бывает так: самое важное всегда скрыто от глаз, самое прекрасное некрасиво или незаметно. Это “ничто” сначала заставило мальчика удивиться, замереть на месте и фантазировать: а что же там? А потом плотная завеса стала лёгким флёром, и открылся сказочный Байкал во всём божественном великолепии, во всей мощной красоте, и озеро стало для него всем: темой книг, родиной, жизнью, чудом, непреодолимым магнитом на всю жизнь.

Лёня с каждым днём любил Байкал всё больше. Ему понравилось, что Байкал и только Байкал называют **славным** морем. Это название ему казалось ласковым и торжественным одновременно. Байкал не уставал удивлять Лёню, а Лёня не уставал удивляться. Удивлялся, как может сковать мороз такое могучее озеро-море. Найчуднейшим зрелищем называл он тонкую границу между зимой и весной по побережью. Весной бывает так: Байкал ещё скован игольчатым льдом, а на горах цветут подснежники и багульник. Поляны удивляли разноцветьем белянок, жарков, колокольчиков, которых было в мае – июне так много, “будто кто-то по весне семена в кулёк накидал, а потом горстями веером разбрасывал”.

Удивляло богатство байкальской земли ягодами и орехами. Удивительными казались красные от брусники кочки в сентябре, удивляло, что заготавливали её в огромных количествах и использовали для многих целей. Удивлялся, насколько вкусны недозрелые вареные шишки, и сравнивал их желтизну с цветом новорождённых птенчиков. “Передо мной и подо мной лежала страна голубой воды и коричнево-жёлтых скал. Передо мной был не просто красивый вид вдаль – передо мной был мир красоты, о которой мало что можно сказать словами, от него можно только пьянеть и терять голову. Чувствовать красоту мира – ведь это значит любить! Это значит все прочие чувства на какой-то миг превратить в любовь, которая становится единственным языком общения души с красотой мира”.

Байкал подарил Лёне и чудо первой любви, о которой он проникновенно рассказал в повести “Год чуда и печали”. Мальчик полюбил Римму Бархатову, которая училась в параллельном классе. В повести Леонид называет место её жительства 80-й километр Кругобайкалки. На самом деле она жила в порту Байкал (73-й километр КБЖД). В порт Байкал Лазаревы (фамилия отчима Риммы, отец Риммы в годы войны был танкистом и погиб в Польше в 1945 году) приехали из Иркутска, когда девочке было десять лет, она перешла в третий класс. В посёлке тогда была только начальная школа, а после

четырёхлетнего обучения часть детей уезжала учиться в посёлок Листвянку, а дети железнодорожников ехали в Маритуй. В порту Байкал она проучилась два года. А в пятый класс пришлось отправляться в Маритуй и жить в интернате. Леонид сразу обратил внимание на Римму. Она была красивой девочкой, серьёзной, сдержанной, молчаливой, вдумчивой, казавшейся взрослее других. “Со всеми остальными девчонками мы обходились запросто, не особенно выбирая выражения”, – писал Леонид Иванович. А с Риммой такой тон был невозможен, ей нельзя было сказать: “Эй, Римка, кинь книгу!” Многие ученики тоже чувствовали характер девочки, они также замечали необычность Лёни Бородина, который очень сильно отличался от ребят. Одноклассница Леонида Галина Ивановна Зотова говорит, что Лёня был очень начитанный, употреблял в речи такие слова, которые маритуйским ребятам были неведомы. Римма тоже заметила необычность Лёни Бородина, он отличался от других учеников тем, что очень много читал, многое знал на память: если задавали учить отрывок из большого стихотворения, он учил его всё и запоминал надолго. Особенно любил Лермонтова. Знал наизусть целые поэмы. Он стеснялся говорить Римме о своих чувствах, не решался пригласить её погулять после уроков, а мог только сказать: “Давай, я тебе стихи читаю”. И девочка с удовольствием слушала стихи и удивлялась начитанности и отличной памяти Лёни. Она и сама любила книги, но времени на чтение не хватало. Вечером в интернате гасили свет, включать его после отбоя было нельзя (никто и не пытался), Римма же под одеялом включала фонарик (фонарики давали ученикам родители, чтобы они шли к поезду по тёмному Маритую) и читала книги, стараясь, чтобы никто не увидел свет.

Римма в повести Леонида “Год чуда и печали” – не простая девочка, она юная богиня Ри, дочь князя Байколлы, то есть самого Байкала и младшая сестра Нгары, то есть Ангары. Она так красива, что на неё можно смотреть всю жизнь и жить только этим. И он, простой маритуйский мальчик, преодолевая страх и боль, вызволяет её из плена старухи Сармы. Ри становится ученицей Риммой, забывает своё божественное прошлое, забывает Лёню и очень холодна с ним. А Лёня считает часы и минуты до того момента, когда сможет увидеть Римму в школе, выходные без неё – пустое время, а каникулы просто страшны. И мальчик с нетерпением ожидает конца выходных и каникул, хотя школьники, наоборот, с нетерпением ждут их прихода.

Наверное, в такие дни, когда Римма Бархатова уезжала из Маритуй, и слагал Лёня красивые легенды о Байколле и его прекрасной дочери Ри, и сам становился их участником. Через много лет эти детские фантазии и ощущения станут основой повести “Год чуда и печали”, в которой мы увидим Лёню, маленького худенького мальчика, при виде которого старуха Сарма только хохочет, а потом всё-таки освобождает Ри из своего плена, но лишает героя счастья, обрекает его на безответную любовь. Двойника Сармы герой видит среди маритуйских жителей, это старуха Васина, которая лечит болезни травами и заговором. Внешнее сходство – вот всё, что объединяет Сарму и Васину. Сарма жестока в своём мщении, Васина добра, продляет людям жизнь. Сарма пугает мальчика смертью родителей в случае, если он расскажет тайну, а Васина говорит: “Таких тайн нету, что дороже отца с матерью!” Прообразом симпатичной автору героини повести стала маритуйская жительница, которую ещё хорошо помнят старожилы, фамилия её на самом деле была Васина, а звали её Анной. И она действительно знала травы и лечила людей, лечила и заговорами, то есть врачевала словом и целительными силами байкальской земли. А на Байколлу с его длинной, похожей на байкальскую пену бородой в повести очень похож дед, которого Бородин называет “Белым дедом”. Этот дед тоже жил в Маритуйе на самом деле, но, к сожалению, старожилы не смогли вспомнить его фамилию. Скорее всего, звали его Григорием, так как Васина называет его Гришей, а имена маритуйских жителей в повести сохранены. Получается, что героев и, по всей видимости, события повести мальчику подарил Маритуй, Байкал. Только очень бережно облёк он реальность в нежную золотистую обёртку сказки.

Когда уход в мир поэзии и природы не спасал и ждать Римму становилось совсем невыносимо, Лёня, спрятавшись в товарном вагоне, приезжал в порт Байкал и иногда видел издали свою “божественную” девочку, не показываясь ей на глаза. Когда ей сказали, что Лёня приезжает в порт, она спросила его,

зачем он ездит в её посёлок. Он не решился сознаться и сказал, что просто катается на поезде.

Уже перелистнув маритуйскую страницу жизни, Римма училась в Иркутске в Школе военных техников, жила в общежитии. Леонид тогда учился в Улан-Удэ. Он приехал к Римме в Иркутск, пришёл в общежитие, она в это время с девочками собиралась идти в кино, спросила Лёню, как он здесь оказался. Он ответил: “Так просто, проходил мимо, зашёл”. Римма с подружками ушли в кино. Так кончилась эта встреча.

И только будучи совсем взрослым Леонид Бородин скажет Римме Бархатовой, что любил её. Он подарил ей книгу с автографом: “. . . если на минуту представить, что не было в моём детстве всего того, о чём рассказываю, то жизнь моя потеряла бы цвета, то подумалось бы, что я прожил жизнь при пасмурной погоде, ни разу не увидев солнца, что будто исчез бы чистый свет, тёплым и грустным лучом сопровождавший меня всю жизнь по непрямым дорогам жизни!”

Хранит Римма Семёновна Щербакова книгу, изданную в Австралии, которую давно прислал ей по почте Бородин. На книге автограф:

“Римма! Эти строки ты встретишь в книге, которая, конечно же, – фантазия. Но главное в ней – правда! И ты её узнаешь, несомненно. Все эти годы мне хотелось хоть как-то отблагодарить девочку Римму Бархатову за то, чем она была в моём детстве. Очень хочется думать, что мне удалось это сделать. Спасибо тебе. Бородин”.

А Римма Семёновна написала в своём альбоме с фотографиями: “Леонид Бородин, писатель, написал удивительную книжку о нашей жизни в Маритуте, о нашем детстве, я ему очень признательна”.

Как-то она пришла на вечер Леонида Бородина в Иркутске и подарила ему цветы. Поговорили мало, Леониду Ивановичу нужно было срочно улетать в Братск.

Жизнь у Риммы Семёновны сложилась. Она вырастила троих детей. Долгие годы была в женсовете Иркутска, сделала много хороших дел для города. Активная сторонница озеленения родного города, наверное, любовь к зелени вынесла из байкальского детства. Из окна своей квартиры любит на лесок, насаженный её руками.

Интересную, богатую делами и впечатлениями тернистую жизнь, прожил Леонид Бородин.

Разошлись дороги этих людей. Вот, кажется, и вся история. Нет Леонида Ивановича. Но остались его чудесные книги о детстве, о чуде неразделённой первой любви. И в жизни не кончились чудеса, ещё одно произошло летом 2015 года. Римма Семёновна неожиданно получила приглашение билет в своё детство. Её пригласили в Дом литератора на детский спектакль по повести “Год чуда и печали”. Они с двоюродной сестрой Леонида Бородина, Ниной Леонидовной, которая в детстве и юности бывала в Маритуте, с удовольствием посмотрели спектакль, увидели картины своего детства. Римма Семёновна и Нина Леонидовна были очень благодарны всем, кто работал над спектаклем, а после спектакля сфотографировались с юными артистами.

После спектакля они, конечно, вспоминали детские годы, которые пролетели-промчались быстрым поездом. . .

Ярким жарком горел семафор на Кругобайкалке, тысячами семафориков светили жарки, полыхала багульников гора за школой, радуясь вместе с детьми окончанию каждого учебного года, ярко горело и тихонько, день за днём, отгорало пионерское детство маритуйских ребят. Вырастая, ребята покидали Маритуту. А вместе с ними уезжали и многие коренные маритуйцы, потому что после строительства обходного железнодорожного пути работы становилось всё меньше.

Сейчас от пяти школьных домов не осталось ничего. Часть этих домов была разобрана на дрова, часть – на бани, часть вывезена в Слюдянку для строительства. О школе напоминает только ровная площадка да тополя, стоявшие когда-то рядом со школой. А на месте интерната сохранился только фундамент. Ровных площадок, где когда-то стояли дома, немало. Сейчас в Маритуте чуть более десятка жилых домов. Давно нет ни школы, ни больницы, ни клуба, ни даже магазина. Старики, доживающие там свой век, вынуждены ездить за продуктами в Слюдянку и проводить в дороге целый день. “Нет Маритуты”, – с болью в голосе говорят местные жители.

Не хочется верить, что Маритуй доживает последние дни. Больно за посёлок, воспитавший и взлелеявший замечательного писателя. Это земля Леонида Бородина. Если кто приезжал к нему в Москву из Сибири, он спрашивал: “Ну, как там Байкал?” Значит, и Маритуй, посёлок, который так любил Леонид Иванович, считал своей родной землёй, постоянно навещал, а, приехав в Маритуй, был одухотворён, светел. А светлые люди светлы везде и при любых обстоятельствах. Тёмными ночами в тюрьме пишет свои светлые книги. Девочку, не отвечающую на его чувство, боготворит и благодарен судьбе за то, что она была в его жизни. Военное и послевоенное детство считает самым светлым временем, наполненным чудесами. Замечательно сказал писатель о своей родине: “. . . В моей привязанности к байкальским местам было нечто чрезвычайно счастливое, и это с очевидностью выявлялось всякий раз, как удавалось попасть в родные места: я получал реальную поддержку для продолжения жить и быть самим собой. . .”

Хочется надеяться, что Маритуй возродится, воссияет его звезда, пусть в каком-нибудь другом качестве. Ведь здесь живёт душа Леонида Ивановича Бородина. Этот посёлок он любил больше сотни тысяч других и сделал его бессмертным в своих произведениях.

Лежит у подножия Маритуя, как прежде, голубой Байкал, а Леонид Иванович говорил, что голубой цвет воды — это улыбка Байкала. Вблизи посёлка есть голубые скалы, голубые от растущих на них незабудок. Может, скалы тоже улыбаются? И всё помнят? Потрясают светлые сосенки, растущие на голых скалах, настоящие алмазны наших дней. Значит, есть надежда. . .